

Научная статья

УДК 821.133.1, 82-9

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-89-100

О некоторых заимствованиях из русского языка во франкоязычных графических романах о России и россиянах

Мишель Дебрэнн

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

micheledebrenne@gmail.com

Аннотация

В статье представлен новый этап исследования образа России во франкоязычных графических романах, а именно роль русского языка в них. Рассмотрены два класса явлений – ненормативные лексические заимствования и речевые формулы, используемые для реализации речевых актов (главным образом «клятвы») или их имитации в виде дискурсивов. Материалом для исследования послужили 550 графических романов («комиксов») о России и/или россиянах, написанных во Франции и Бельгии с 1929 г. по настоящее время. Насыщенность текста ненормативной лексикой невелика – она была найдена лишь в 11,7 % анализируемых книг. Рассмотрена роль ненормативной лексики в них, степень ее освоения русским языком, типы и функционирование. Ненормативная лексика может быть представлена как кириллицей, так и в транслитерации в пропорции 30/70 %, при этом авторы прибегают, скорее, к «бытовой», чем к научной транслитерации, стараясь приблизиться к реальному произношению русских слов. В словах, написанных кириллицей, нередки орфографические ошибки. Ненормативная лексика переведена лишь в 15,6 % случаев, переводы могут быть как внизу панели, так и внизу страницы. Не все слова и выражения используются в качестве оскорблений или выражения ярких отрицательных эмоций, они также могут характеризовать стиль речи персонажа. Среди речевых формул клятвы и проклятия встречаются как имитации русских общеупотребительных, так и «намекающие на Россию» изобретения авторов, отличающиеся от нормативной лексической наполняемости. Особенно интересна речевая реализация «третьего актанта» прагматической ситуации «клятвы» – свидетель или залог, гарантирующий истинность намерения говорящего. В статье выдвигаются гипотезы относительно того, откуда авторы черпают русские слова и выражения, а также почему они позволяют себе нередкие речевые ошибки, в особенности лексического и стилистического характера. Если автор не владеет русским языком и не прибегает к помощи переводчика, он использует специализированные словари: выбирая перевод ненормативной лексики французского языка, он чаще всего лишен возможности проверить его адекватность для выражения экспрессии, в качестве инвективы, или с точки зрения лексической сочетаемости для выражения экспрессии, в качестве инвективы, что приводит к ошибкам.

Ключевые слова

графические романы, французский язык, образ России, ненормативная лексика, идиоматические перформативы

Для цитирования

Дебрэнн М. О некоторых заимствованиях из русского языка во франкоязычных графических романах о России и россиянах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 89–100. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-89-100

© Дебрэнн М., 2024

Some Borrowings from Russian Language in Francophone Graphic Novels about Russia and Russians

Michèle Debrenne

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation
micheledebrenne@gmail.com

Abstract

This article pursues a new direction in the study of the image of Russia in French-language graphic novels: their use of the Russian language itself. Two classes of Russian language use are considered: non-normative lexical borrowings (profanity) and speech formulas used to implement speech acts (mainly “oaths”) or their imitation in the form of discourse markers. The study is based on 550 graphic novels (“comic books”) about Russia and/or Russians, written in France and Belgium from 1929 to 2023. This kind of profanity wasn’t particularly common – it was found only in 11.7% of the analyzed books. The role of profanity in these books, the degree to which the profanity conforms to the grammar of the Russian language, as well as its types and functions are all examined in this article. Profanity could be found in the form of Cyrillic letters (about 30% of the time) or in the form of a French transliteration (about 70% of the time). While transliterating, the authors tended to use “casual” transliterations, rather than systemic ones, in an attempt to better imitate the real pronunciation of Russian words. Spelling errors were common in the words written in Cyrillic. Profanity was translated only in 15.6% of contexts in which case the translations were placed either at the bottom of the panel or at the bottom of the page. Not all the words and expressions were used as insults or expressions of strong negative emotions; they could also be used to characterize a personage’s speech style. For the speech acts of oaths and curses, imitations of commonly used Russian words were used along with “Russian-adjacent” words: words invented by the author that differed from normative words in terms of their lexical content. Of particular interest were speech realizations of the “third actant” in the context of an “oath”: the witness or pledge that guarantees the honesty of the speaker. The article puts forward several hypotheses as to where the authors find Russian words and expressions, as well as to why they make frequent errors, particularly lexical and stylistic ones, while doing so. If the author does not speak Russian and does not consult a translator, they might use a specialized dictionary when looking for a translation of a non-standard lexeme into the French language. When using such a dictionary, the author often cannot be sure of the word’s suitability as an expletive or injective or of its lexical compatibility with other words, which can lead to errors.

Keywords

graphic novels, comics, French language, image of Russia, profanity, performative utterances

For citation

Debrenne M. Some Borrowings from Russian Language in Francophone Graphic Novels about Russia and Russians. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 89–100. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-89-100

Введение: русский язык во франкоязычных графических романах о России и россиянах

В ходе нашего исследования франкоязычных графических романов о России и россиянах были рассмотрены графические романы (комиксы, банд-десине) (далее – ГР), действие которых происходит в царской России, в СССР или в современной России и/или в которых принимают участие персонажи, определяемые читателями как «русские». Анализировались как изобразительные средства представления образа России, так и отдельные языковые аспекты, например антропонимы, топонимы, русизмы [Дебренн, 2021, 2023]. В дальнейшем мы предполагаем более детально изучить роль русского языка в создании этого образа на страницах 550 книг, опубликованных во Франции, Бельгии, Швейцарии или Канады с 1929 по 2024 г. В настоящей работе мы остановимся на двух специфических явлениях, характерных для ГР – ненормативная лексика и идиоматические перформативы.

1. Ненормативная лексика на русском языке в графических романах

1.1. Ненормативная лексика в графических романах

Проблема определения слов, «в принципе осуждаемых обществом по самым разным причинам, но прежде всего в силу их резкости, грубости, сознательного направления на нарушение приличий», была подробно рассмотрена в работах А. И. Жельвиса, в том числе в цитируемой здесь статье «Грубость, проблемы классификации лексики» [Жельвис, 2008]. В настоящей работе наша цель не в том, чтобы предложить всеобъемлющую классификацию, поэтому мы будем использовать самое широкое понятие – «ненормативная лексика», т. е. «слова, отклоняющиеся от принятой нормы» [Там же. С. 111].

Наличие ненормативной лексики во французских «рисованных полосках» (*bandes dessinées*) – факт давно замеченный, это регулярно осуждалось, особенно в те времена, когда комиксы, главным образом, адресовались детям. Популярное приключение «*Les Pieds Nickelés*» (никелированные ножки – о банде мелких хулиганов [1]), публиковавшееся с 1908 г., часто становилось объектом критики в том числе за то, что персонажи выражались на арго. Однако ГР никогда не запрещались (за исключением периода Второй мировой войны, когда оккупационные власти закрыли почти все ГР и публикации для детей, как в Бельгии, так и во Франции). Принятый в июле 1949 г. Закон о публикациях для молодежи относился к содержанию, а не к форме изложения [Loi № 49]. В нем запрещались «иллюстрации, рассказы, рубрики, вставки, представляющие в выгодном цвете бандитизм, ложь, воровство, лень, трусость, ненависть, разврат и всякие действия, определяемые как преступления или правонарушения, или угрожающие нравственности детей и подростков»¹.

Несмотря на то что ненормативная лексика не была официально запрещена, в период с 1949 по 1968 г. в графических романах она все же чаще всего заменялась специфическими графическими символами, изображающими бурные эмоции говорящего (бомба, череп с костями, кинжал, свинья и т. д.) или иносказательными выражениями вроде *Rogntudjuu!*, в котором можно угадать проклятие *nom de Dieu* в устах Прюнеля, персонажа, придуманного Франкеном [2]. О ненормативной лексике капитана Хаддока в приключениях Тинтина написаны многочисленные исследования, издан словарь всех инвектив известного холерика [Algoud, 2004]. Их особенность состояла в том, что данный персонаж использовал в качестве инвектив редкие, звучные, но вполне цензурные слова (вроде *australopithèque* – австралопитек, *moule à gaufre* – форма для выпечки вафель или *ornitorhynque* – утконос [3]), которые становились инвективами только в ходе реализации соответствующего речевого акта. Начиная с семидесятых годов XX в. всякие ограничения были сняты и речь персонажей БД стала менее эвфемистична.

По этим же причинам не приходится удивляться наличию ненормативной лексики в ГР о России и россиянах. В этих книгах встречаются слова на разных языках, в зависимости от персонажей. Даже в том случае, когда все персонажи романа – россияне, их речь чаще всего записана на французском, как, например, в серии «Слава» [4], действие которого происходит в перестроенной России: в этом ГР встречаются как русизмы, так и слова, написанные кириллицей, в том числе оноματοпы, но для ругательств и оскорблений используется французский язык. В некоторых случаях межъязыкового контакта возможны заимствования из английского, немецкого, испанского языков, чаще всего без перевода. Так, например, в книге «Дубль-7» [5], действие которого происходит среди членов интернациональной бригады во время граждан-

¹ Закон действует и по сей день, однако претерпевал множество изменений. На данный момент запрещены публикации, содержание которых «представляет опасность для молодежи в силу порнографического характера или подталкивает к дискриминации или ненависти конкретного лица или группы лиц, к унижению человеческого достоинства, к потреблению, владению или распространению наркотиков или психотропных веществ, к жестокости и ко всяким действиям, определяемым как преступления или правонарушения, или способным навредить физическому, психическому или нравственному развитию молодежи. <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000878175/>

ской войны в Испании, или в серии «Инсайдеры» [6], главный герой которого Нажах – колумбийка. В данном разделе мы ограничимся анализом ненормативной лексики русского происхождения, поскольку нас интересует присутствие этого языка в ГР.

Стоит оговориться, что насыщенность этих книг ненормативной лексикой невелика: в 550 книгах было насчитано 4794 разных примера применения русского языка (заимствования, написанные кириллицей и транслитерацией, русизмы, а также 20 украинизмов). Ненормативная лексика среди них представлена в 3,6 %. Мы не относим существительное *dourak* к ненормативной лексике, но можем отметить следующее: это один из 94 найденных в нашем материале русизмов.

Ненормативная лексика на русском языке найдена в 63 книгах (11,7 % всех анализируемых книг), чаще всего по одному или два примера, хотя бывают исключения. Так, в третьем томе серии «Восточный» [7] найдено 13 примеров, т. е. половина всех заимствований из русского языка в данной книге. В отличие от испанских и английских ругательств здесь русские переведены на французский язык. По 10 примеров в уже упомянутом «Дубль-7» и втором томе серии «Секреты – Змея подо льдом» [8].

1.2. Ненормативная лексика на русском языке в графических романах

Нецензурная лексика на русском языке – подгруппа заимствований из этого языка во франкоязычных ГР. Для описания этой подгруппы лексем можно применить следующие критерии:

А. Степень освоения

Поскольку рядовой носитель французского языка не владеет кириллицей, заимствования, написанные с помощью букв этого алфавита, остаются непонятными большинству читателей. Если перевода нет, только контекст (рисунок, размер букв, пунктуация, остальная часть реплики, реакция других персонажей) может дать понять, что произошло. Пропорция кириллицы и транслитерации среди ненормативной лексики существенно не отличается от общей по всему корпусу (для реплик): 30 % кириллицей и 70 % транслитерацией, против 35/65 % по всем репликам персонажей. Заметим, что одна и та же лексема может, в зависимости от авторов, быть представлена кириллицей или транслитерацией. В целом, авторы придерживаются принципа единообразия на протяжении всей книги или серии и не переходят от кириллицы к транслитерации и обратно. В большинстве случаев авторы используют «бытовую», а не научную транслитерацию [Aslanoff, 1986]. При этом наблюдается колеблющееся использование диакритики, ср. *svôlôtch / svolotch / svôlatche*.

Варианты транслитерации встречаются иногда на страницах одной и той же книги. Наибольшее разнообразие представлено в словах *tchort / tchiort / tchiorte vazmi / vozmi / voz'mi / vosmi u pizdec / pisdiet / pizdiet / pizdiets / pizdets*. Первая, наиболее частотная, орфография может объясняться аналогичной формой в польском языке.

В некоторых случаях мы сталкиваемся с промежуточными вариантами, со смесью алфавитов. Результат порой не удается расшифровать, как в примерах *pokhouçdrili* или *ui kouçhud sebye* [7], *йолуп останніп* [9].

Б. Наличие перевода

Переводом могут сопровождаться как заимствования, написанные кириллицей, так и те, которые транслитерировались. Перевод может быть приведен как в нижней части той же панели, так и в нижней части страницы, и лишь в одном случае все переводы собраны в конце книги. В одних случаях автор приводит аналогичное выражение на французском языке (что не обязательно является дословным переводом), в других он предлагает дефиницию, как в словаре, ср:

Да пошел ты [10] переведенный *va te faire foutre!* (что дословно звучит более грубо, но соответствует по смыслу);

Oh non, blyadyouga [6] получает следующее объяснение: *expression argotique russe: femme aux mœurs légères* (русское грубое выражение: женщина легкого поведения).

Интересно заметить, что авторы иногда «комментируют» ненормативную лексему в сноске, меняя пунктуацию: так, в примере *Ces podonki ont détruit tous systèmes com mais j'ai solution* (эти подонки разрушили все системы коммуникации, но у меня есть решение) [11], написанном с ошибками во французском языке, чтобы показать слабое владение английским языком русского персонажа (действие происходит среди носителей английского языка), заимствованное *podonki* – в правильной форме множественного числа – переводится в сноске: *raclures, en russe...* с многозначительным многоточием, в котором автор, видимо, передает свое отношение к данному слову.

Заметим, что в большинстве случаев ненормативная лексика – так же, как и в целом русский язык в ГР, – не переведена. Мы насчитали 29 случаев переводов, то есть 15,6 % всех примеров, что сопоставимо с долей случаев перевода в корпусе в целом (17 %).

В. Функциональные типы

В большой класс ненормативной лексики объединены разные вещи. С одной стороны, встречаются простые заимствования, не несущие оскорбительной функции, лишь маркирующие стиль речи персонажа: *pire que des guemaroï* (хуже геморроя) [12], *j'ordonne que le boukhlo coule à flots* (велю, чтобы бухло текло рекой)[7].

Вторую группу составляют восклицания, выражающие яркие эмоции: *Холера* встречается 3 раза в данной книге [9], или реплика *tchiort vozmi Tvoïou mat', nou i diela!* [13].

В третью группы вошли оскорбления, как прямые, так и косвенные: в первом случае адресат присутствует и слышит оскорбления в свой адрес, во втором – о нем говорят в его отсутствии – лексемы при этом одни и те же – *мразь, сука, собака, придурок* и другие, кириллицей или в транслитерации. Всего обнаружено 15 разных оскорбительных лексем, относящихся к самым распространенным в русском языке.

Г. Ошибки

Русский язык во франкоязычных ГР часто представлен с ошибками, которые рядовой читатель вряд ли заметит. Ранее мы отмечали, что авторы ГР о России порой могут себе позволить использовать странные имена и фамилии для русских персонажей, не удосуживаясь проверить правдоподобность созданного ими антропонима. Так, появляются фамилии *Miranovna, Charianine* или *Bonaskaïova* (для мужчины), имена *Youria* и *Vaniva* (для девушек), *Vedianim* и *Vladen* [Дебрэнн, 2023. С. 88]. Среди ненормативных заимствований представлен как бы в миниатюре весь спектр ошибок, встречаемых в нашем корпусе в целом:

- орфографические ошибки: в тех случаях, когда слово написано кириллицей, оно может быть написано неправильно, например, *звиня, хрунь, блёч* или различные варианты «женщины легкого поведения», оканчивающиеся то на *-ть*, то на *-дь*, и с вариациями корневой гласной буквы – то *а*, то *ая*, то *я*. Помимо этого, форма букв не всегда соответствует нормам русского языка, ведь лёттерингом занимаются люди, не знакомые с прописями на кириллице;
- для транслитерированных слов говорить об ошибках (т. е. отклонениях от нормы) нельзя, поскольку, как отмечалось, авторы прибегают к бытовой транслитерации, в которой норма не фиксирована. К орфографическим ошибкам можно отнести разве что *zuka*, или странные переносы в словах, например, *stoiïï, svolotch!!! Stoï niémiéde-lièna!!!* [8]. Возможно текст, который передавался каллиграфисту для переписывания, содержал перенос, и он решил, что именно так пишется данное слово. В данной книге подобных примеров несколько;
- лексические и стилистические ошибки.

Мы предполагаем, что в некоторых случаях автор текста вставляет то или иное заимствование из русского языка, заглянув в словарь, однако при этом он не обращает внимания на частеречную принадлежность найденного слова. Так, во французском языке слово *idiot* может быть и существительным, и прилагательным, тогда как *идиот* и *идиотский* – разные слова в русском, и только первое синтаксически подходит в качестве инвективы. Этим, видимо, объясняется ошибка в *идиотский tu veux donc mourir?* (досл. «идиотский, что ли ты хочешь умереть») [14] или *занудный* (вместо «зануда») [15].

Те авторы, которые не прибегают к советам русскоязычных коллег, рискуют также выбрать слово, которое хоть и принадлежит русскому языку, тем не менее не является инвективой или восклицанием. Так, существительное *бордел* (с орфографической ошибкой) не используется в той же роли, что и *bordel!* во французском, где оно может служить эмоциональным выражением неудовольствия. Не перепроверили выбранное существительное в качестве перевода *merde* авторы эпизода «Ирина» серии XIII [16]: в результате восклицание *Зй... помет* (с неправильно сформированной буквы Э, ставшей похожей на З) директрисы детского дома, констатировавшей смерть изнасилованной воспитанницы, вместо подразумеваемого *Eh merde!* может вызвать улыбку у русскоговорящей читательской публики – на которую, разумеется, книга и не рассчитана. Франкоговорящая же публика и без перевода легко догадалась о чувствах директрисы.

В книгах, написанных Франком Жиру [8; 13; 17], мы регулярно находим выражение *nou i dela!*. Оговоримся сразу, что мы не считаем данную формулу «ненормативной», но наш интерес к ней как раз и вызван тем, что автор явно применяет ее там, где по сценарию требовалось бы гораздо более крепкое выражение. Учитывая обилие довольно крепких слов на остальных страницах этих книг, мы не думаем, что данный автор решил подвергать себя цензуре. Скорее всего, он не знал, что чередование *da svidania, svolotch, oublioudki* и *nou i diela* в устах бандитов с пистолетом в руке производит забавный стилистический эффект. К сожалению, нам не удалось выяснить, владел ли русским языком автор, написавший немалое количество ГР (17) о России и россиянах.

Также неуместна реплика *bit' bakouchki!* в устах генерала КГБ, отвечающего на вопрос *Vous n'allez tout de même pas interdire les dominos dans l'escadrille dont l'emblème est le double six, camarade commissaire?! (Товарищ комиссар! Вы ведь не собираетесь запретить играть в домино эскадрилье, эмблема которой – дубль-6?)* [5]. С одной стороны, в прагматическом смысле ответ странный – ожидалось что-то в роде «да-нет-пошел к черту». В следующей реплике этот же персонаж «переводит» себя: *Vous n'êtes pas ici pour fabriquer des cuillères en bois ou jouer aux dominos, mais pour combattre l'ennemi fasciste!* (вы тут не для того собрались, чтобы изготавливать деревянные ложки или играть в домино, но для того, чтобы драться с фашистскими врагами). Но читатель так и не узнает, что данный устаревший и милый фразеологизм стилистически совершенно не вяжется с привычными матерными выражениями данного персонажа.

В связи с этим возникают следующие вопросы: откуда авторы берут эти слова и по какой причине возникают ошибки. Рассмотрим данные слова в контексте остальных заимствований из русского языка. Из 550 книг, посвященных России или россиянам, русский язык появляется в 475, и в 410 из них ненормативной лексики не содержится. Анализ всех проявлений русского языка в этих книгах еще предстоит, но мы можем предложить следующие сценарии (за исключением книг, написанных в последние годы, для которых авторы могли прибегать к онлайн-переводческим программам):

- автор сценария – носитель русского языка. Это, должно быть, редкое явление. Кроме «рожденных в СССР» Николая Маслова, Юрия Жигунова, Игоря Баранко и Гиедре Баранкайте (*Giedrė Barauskaitė*), у нас таких сведений нет. Так, например, Ги Мумину (псевдоним Димитри), автор 22 книг, действие которых проходит в России, в молодости служил на стороне гитлеровской армии на территории СССР, что он описал в своих воспоминаниях [Сайер, 2010]. В его ГР мы находим большое количество заимствований

из русского языка, то кириллицей, то транслитерацией, часто с ошибками. Создается впечатление, что он в молодости запомнил или даже записал отдельные слова со слуха и использует их в своих произведениях. Но о полноценном знании языка не приходится говорить;

- автор обращался к русскоязычным консультантам: в девяти случаях таким консультантам-переводчикам выражена благодарность в начале или конце книги. По меньшей мере в одной из них переводчик великолепно справился с задачей. В книге «Последняя граница: остров Крузенштерна» [18] двадцать реплик на русском языке, написанные кириллицей, без единой ошибки. В трех случаях они переведены, с большой лексической и прагматической точностью. Автор Марк Бурнь выражает благодарность некоей Елене Серой за ее переводы. Как это часто бывает в ГР, изображение контакта между русским и английским языком персонажей не всегда единообразно [Дебрэнн, 2024. С. 38]. Здесь реплики русских персонажей представлены то на русском языке (кириллицей) без перевода, то с переводом (на желтом фоне), но на французском с пометой «говорят по-русски», то, наконец, на французском. В данной книге откровенно ненормативной лексики нет, можно заметить *придурки, заткнись, шкет! черт поберу! идите к черту!* На стилистическом уровне данные реплики сочетаются с остальными репликами на французском языке, в которых также отсутствует явная ненормативная лексика;
- автор использовал словари. Русская ненормативная, нецензурная, табуированная лексика всегда интересовала французских лексикографов, и нет недостатка в словарях, особенно в последнее время [Мокиенко, Никитина, 2000, 2004; Boutler 2012, Khachinyan L. 2023, Le Guevellou 2002,]. Однако словарь – это еще не все, и перечисленные выше ошибки показали, что нужно еще выбрать подходящий вариант. Так, ни наличие словарей, ни жена по имени Тамара и переводчица Патриция не уберегли Франка Жиру от забавного «ну и дела» там, где явно по сценарию требовалось что-то гораздо более сильное.

2. Идиоматические перформативы

Помимо заимствований русской ненормативной лексики, авторы ГР также прибегают, для создания русского колорита, к калькированию отдельных устойчивых выражений, выполняющих определенную прагматическую функцию, а именно к речевым формулам – «идиомы разных структурных типов (преимущественно законченные высказывания) с фиксированной иллокутивной силой или определяющие иллокутивные характеристики речевого высказывания» [Баранов, Добровольский, 2008. С. 78]. Среди них в данной работе мы выделим идиоматические перформативы – «законченные высказывания, реализующие речевой акт» [Баранов, Добровольский, 2000], и подробнее остановимся на перформативах клятвы [Андрюшенко, 2011] и, в меньшей степени, пожелания/проклятия.

2.1. Семантика клятвы

Клятва – речевой акт, (или, согласно Т. Г. Рабенко, «фидеистический речевой жанр» [Рабенко, 2010]), состоящий в торжественном уверении в чем-либо. Это своего рода обещание, подкрепленное упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает. Отличие «клятвы» от простого обещания состоит в том, что в ситуации присутствует третий актант, исполняющий роль свидетеля и гаранта искренности человека, произносящего клятву (*Богом клянусь!*). В некоторых случаях эту третью позицию занимает не то или иное божественное начало, а дорогой говорящему предмет, или даже часть его собственного тела: в таком случае третий актант выполняет функцию залога. Так, в Академическом словаре русской фразеологии [Баранов, Добровольский, 2020] идиома-перформатив *зуб даю* трактуется следующим образом:

«Выражение искренности в форме сообщения о готовности лишиться одного из элементов жевательного аппарата, если он говорит неискренне». Там же указывается, что эта же формула может служить и «выражением уверенности в сказанном, способном вызвать удивление собеседника в форме сообщения о готовности лишиться одного из элементов жевательного аппарата, если сказанное окажется ложным или не сбудется» [курсив – авторов словаря. С. 250]. Для нас важно отметить, что формула-перформатив может использоваться и в не-перформативной функции, служить простым выражением удивления, словом-паразитом или дискурсивом [Викторова, 2013. С. 12].

Во французском языке для обозначения данного речевого акта используются существительное *serment* (клятва) и глагол *jurer* (клянется). При этом соответствующие однокоренные лексемы либо вышли из употребления (глагол *sermenter* и существительные *jurement*), либо имеют другой оттенок значения (существительное *juron*, означающие «ругательство»). В речевых формулах третий актант (гарант или залог) вводится предлогами *devant* (перед), *par* (с помощью), *sur* (на). Прямое дополнение без предлога *je jure Dieu, je jure le ciel* в настоящее время архаично и встречается лишь в выражении *jurer ses grands dieux* [Cusin-Berche, 2003]. Восклицание «(*sacré*) *nom de Dieu*», используемое для выражения большого удивления, также восходит к клятвам и имеет некоторое количество эвфемистических вариантов (*nom d'un petit bonhomme, nom d'une pipe*) вплоть до неузнаваемых *sacrebleu, palsambleu*.

Как мы видели выше, употребление данных речевых формул не всегда означает, что говорящий в настоящий момент на полном серьезе, взывая к богам, произносит торжественную клятву и готов лишиться глаза или зуба в случае невыполнения обещанного. Чаще всего данные выражения служат для выражения экспрессивности, и неудивительно, что они часто встречаются на страницах графических романов.

2.2. Идиоматические перформативы со значением «клятва» во франкоязычных графических романах о России и россиянах

Методом сплошной выборки из 550 книг были отобраны 120 речевых формул, имеющих значение клятвы, пожелания, проклятия. Поскольку в них перформативный глагол отсутствует и остается лишь третий актант, выраженный предлогом *par*, можно считать эти формулы имплицитными перформативами. При этом можно выделить две подгруппы:

– выражения, выглядящие как перевод с русского, например, *par les saintes icônes* («[клянусь] святыми иконами»², 15 раз), *par saint Georges* («святым Георгием») или другим святым с более или менее «русским» именем – *Basile, Dimitri, Stanislas* и т. д., всего 15 раз. К святым нужно добавить и одну святую, *par Sainte Sophie*. Встречаются и другие правдоподобные формулы, например *par le Tsar* (царем), *par tous les saints* (всеми святыми), *par la Vierge de Kiev* (Киевской Богородицей);

– выражения, построенные по аналогичным моделям, но с неподходящей лексической наполняемостью. Сравним *par (saint) Vladimir* и *par (saint) Trotsky* (святым Владимиром vs Троцким). Помимо этого политического деятеля, в подобных формулах в роли третьего актанта-свидетеля выступают и иные «русские» персоны, известные носителям французской культуры: Бакунин, Баланчин, Потемкин, Гоголь.

Как мы вывели выше, в функции третьего актанта-залога могут выступить понятия, которые считаются дорогими «клянущемуся». Используя их в этой позиции, авторы графических романов намекают, что русские дорожат ими: *par le plan quinquennal* (пятилеткой), *par le tombeau / le mausolée de Lénine* (гробницей/мавзолеем Ленина), *par le rutilant sceptre d'Ivan le Terrible* (сверкающим скипетром Ивана Грозного), *par la Rodina* (родиной – при этом данное заимствование сопровождается сноской с переводом).

² В дальнейших переводах мы опускаем глагол «клянусь», отсутствующий во французском тексте.

В некоторых случаях третий актант вводится оборотом «nom d'un N» (именем N): *nom d'un boyard, nom d'un barzoï* (боярином, борзым), как в иных традиционных французских формулах.

Отдельную группу составляют формулы, в которых «залогом» выступает часть тела «святого» (или выдаваемого за такого персонажа), и, в особенности, его бородой. Прообразом таких формул является популярная формула *par la barbe du Prophète* (бородой пророка), выражение, которое и во французской, и в русской культурных традициях приписывается исламу. Так, например, оно встречается во французских сборниках рассказов о Ходже Насреддине [Eddin, 1990], а «русский» старик Хоттабыч часто клянется своей бородой [Ларин, 1938]. Во франкоязычных графических романах распространены формулы этого типа, однако вместо пророка мы встречаем то Маркса, то Ленина, то Распутина, а вместо *barbe* (борода) может выступить *barbiche* (бородка) или *moustache* (усы). При этом стоит подчеркнуть, что подобные формулы появляются в речи персонажей, не имеющих отношения к исламу.

Аналогичные процессы, когда лексическая наполняемость «классической» формулы намекает на Россию, наблюдаются и в формулах, служащих выражением других речевых актов или чувств:

- в речевом акте «пожелание», построенном по схеме «que + глагол в сослагательном наклонении»: *que la Vierge de Kazan vous protège* (да хранит вас Казанская Богородица) VS *que Lénine vous assiste* (да поможет вам Ленин). Пожелание может при этом быть и недобрым: *que les mânes de Staline l'emportent* (да унесут его маны Сталина), по аналогии с известной формулой *que le diable l'emporte* (букв. да унесет его дьявол, т. е. пошел он к черту);
- в выражениях сильного удивления:
  - *doux Lénine* (милый Ленин), *Lénine tout puissant* (Ленин всемогущий), в которых Ленин замещает собой имя Иисуса;
  - *mille+N* (тысяча N) с вариантами *mille millions, mille milliards*, в которых N могут выступить такие русизмы, как *kopeck* (копейка), *knout* (кнут). Как мы отмечали ранее [Дебрэнн, 2023. С. 107], с легкой руки графини де Сегюр (урожд. Ростопшиной), написавшей популярнейшие в XIX и начале XX в. романы для детей, носители французского языка знакомы с существительным «кнут» и считают его распространенным, тогда как в современном русском языке оно относится к устаревшей лексике и встречается только в сочетании с пряником.

Заключение

Для создания образа России на текстовом уровне авторы графических романов о России и россиянах прибегают не только к различным пластам лексики – топонимам, антропонимам, вкраплениям и русизмам, но также к имитации русской речи на синтаксическом уровне, обогащая реплики своих персонажей формулами, намекающими на русский язык. Заимствование из русской ненормативной лексики в ГР на французском языке позволяет как бы в миниатюре увидеть весь спектр использования русского языка в них, от правильно написанных и уместно использованных лексем и выражений до совершенно нерасшифруемых, о которых можно лишь по контексту приблизительно догадаться, о чем речь.

Анализ идиоматических перформативов со значением «клятва» во франкоязычных графических романах о России и россиянах показал, что в большинстве случаев авторы не стремятся к созданию правдивой картины о России, а лишь предлагают читателям ее забавную имитацию. При этом, как мы видели, возможны две тактики. В одних случаях автор калькирует реальные русские выражения, или, по крайней мере, приводит такие, которые носитель русского языка мог бы произносить: *que Saint Méthode nous protège* (да охранит нас святой Мефодий), *par les saintes écritures* (священным писанием). Даже в таких, «правдоподобных», восклицаниях иногда попадаются вымышленные слова, лишь формально намекающие на Россию: *par la*

vierge d'Ozyrgetzsky, par la vierge de Lomotiévo (Озыржетской vs Ломотьевской Богородицей). Видимо, авторы полагают, что читатель «проглотит» предложенный топоним и не станет проверять, существует ли такой город на самом деле на карте России.

В других случаях авторы обыгрывают распространенные во французском языке формулы, меняя их лексическое наполнение: *que la grande Catherine me pince* (да ущипнет меня Екатерина Великая), *par les trois cloches de Tarkovski* (тремя колоколами Тарковского), *par tous les chamanes de la Turukhanta* (всеми шаманами Туруханты). При этом авторы, скорее всего, не собираются убедить читателя в том, что реальные русские именно так говорят. Поскольку чаще всего выражения этого типа используются в юмористических приключениях, можно их рассматривать как дополнительные комические средства выражения.

Как в случае ненормативной лексики, так и в случае идиоматических перформативов, авторы не особо заботятся о правильности (с точки зрения русского языка) предложенных решений: в любом случае владеющих русским языком в достаточной степени для того, чтобы распознать ошибки, среди читательской публики очень мало. По данным сайта fr.statista.com, в 2024 г. во Франции проживало 53,5 тысячи человек, эмигрировавших из СССР и России за все годы, однако невозможно знать, сколько из них читает графические романы, тем более – о России. Количество носителей французского языка, изучающих русский язык как иностранный, постоянно снижается: в 1988 г. их было 27 000, в 2022 г. отмечалось, что оно достигло стабильного уровня – около 11 000 человек в год выбирают русский язык в качестве второго или третьего иностранного языка [Richard, 2023]. Очевидно, что авторы ГР о России делают ставки не на них, и лишь пытаются выдавать свои находки за настоящий русский язык, полагая, что читатель этого не заметит.

Список литературы

- Андрюшенко О. К.** Идиоматическое содержание понятия «клятва» в русском языке // Вестник ПГУ. 2011. № 2. С. 81–85.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Академический словарь русской фразеологии. М.: Институт русского языка, 2020. 896 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Речевые формулы в диалоге // Материалы Международ. конф. «Диалог 2000». URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/baranov/>
- Викторова Е. Ю.** Дискурсивные слова: единство в многообразии // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Филология и журналистика. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 10–15.
- Дебрени М.** Образ России во франкоязычных комиксах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, вып. 4. С. 167–180.
- Дебрени М.** Отражение ситуации полилингвального общения на примере приключений Тинтина Эрже // Мир комиксов. Москва – Екатеринбург: Фабрика комиксов Кабинетный учебный, 2024. Вып. 8: Женские комиксы, маньхуа, нарратив. С. 321–340.
- Дебрени М.** Россия во франкоязычных графических романах. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. 196 с.
- Жельвис В. И.** Грубость: проблема классификации лексики // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспект): Международ. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д-ра филол. наук, проф. А. М. Мелерович. М., Кострома, 2008.
- Ларин Л.** Старик Хоттабыч. М.: Детиздат, 1940. 178 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.** Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.** Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы. СПб.: Норинт, 2004.
- Рабенко Т. Г.** Клятва как фидеистический речевой жанр // Вестник Челябин. гос. ун-та. Серия: Филология, искусствоведение. 2010. № 13 (194). Вып. 43. С. 122–126.

- Сайер Г.** Последний солдат Третьего рейха / Пер. с англ. С. А. Данилина. М.: Центрполиграф, 2010. 447 с.
- Agamben G.** Le sacrement du langage, archéologie du serment Vrin. Bibliothèque des Textes Philosophiques. 2009, 120 p.
- Algoud A.** Le Haddock illustré : L'intégrale des jurons du capitaine Haddock, Casterman 2004.
- Aslanoff S.** Manuel typographique du russiste. Institut des études slaves, 1986.
- Boutler C.** Похуй! Dictionnaire d'argot russe. Lulu, 2012.
- Cusin-Berche F.** Le serment: des mots pour le faire // Les mots et leurs contextes. Presses Sorbonne Nouvelle. Paris, 2003.
- Eddin H. N.** Sublimes paroles et idioties de Nasr Eddin Hodja, trad. J.-L. Maunoury, Phébus, coll. «Libretto», 1990.
- Khachinyan L.** Petit dictionnaire français – russe de l'argot français. E-published, 2023.
- Le Guevellou F.** Dictionnaire des gros mots russes. Paris, L'Harmattan, 2002. 97 p.
- Loi n°49-956 sur les publications destinées à la jeunesse // Journal officiel de la République française : Lois et décrets, n°169, 18–19 juillet 1949.
- Richard H.** Pouchkine victime de Poutine // Le Monde diplomatique. 2023. № 2. P. 20.

Цитируемые графические романы / Sources

1. Forton L. La bande des Pieds Nickelés (réédition). Azur, 1965.
2. Hergé Les aventures de Tintin t. 19 Coke en stock. Casterman, 1958.
3. Gomont P.-H. Slava t. 1, Après la chute. Dargaud, 2022.
4. Juillard A. Double 7. Dargaud, 2018.
5. Bartoll J.-C., Garreta R. Insiders saison 1, O.P.A. sur le Kremlin. Dargaud, 2006.
6. Boisserie P., Héloret. Eastern, t. 03 Oural. Dargaud, 2007.
7. Giroud F., Jovanovic M. Secrets : Le serpent sous la glace. t. 02. Dupuis, 2005.
8. Swolfs, Griffio, Vlad t. 03 Zone Rouge. Le Lombard, 2001.
9. Herzet E., Queireix A. Alpha premières armes t. 04 Matriochkas. Le Lombard, 2017.
10. Formoza G., Zumbiel F. Buck Danny t. 56, Vostok ne répond plus. Dupuis, 2018.
11. Yann, Hugault R. Le Grand Duc. t. 1, Les sorcières de la nuit. Paquet, 2008.
12. Giroud F., Baruti B. Mandrill, t. 7, La nasse. Glénat, 2007.
13. de la Fuente V. La Sibérienne. Albin Michel, 1986.
14. Legrain, Benec, Sisco t. 12 Roulette russe. Le Lombard, 2021.
15. Berthet P., Corbeyan E., XIII Mystery, t. 2, Irina. Dargaud, 2009.
16. Giroud F., Stalner J.-M. Le cercle de Minsk t. 01 Le maillon perdu. Glénat 2007.
17. Bourgne M. Dernière Frontière : Little Diomède. Théloma, 2004.

References

- Andriushenko O. K.** Idiomatic content of the concept of oath in Russian language. *Vestnik PGU*, 2011, № 2, pp. 81–85. (in Russ.)
- Baranov A. N., Dobrovolsky D. O.** Aspects of the theory of phraseology. Moscow, Znak publ., 2008, 656 p. (in Russ.)
- Baranov A. N., Dobrovolsky D. O.** Russian Academy Dictionary of Idioms. Institute of Russian Language, 2020, 896 p. (in Russ.)
- Baranov A. N., Dobrovolsky D. O.** Speech formula in dialogue. In: *Materialy mezhdunarodnoj konferentsy Dialog 2000*. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/baranov/> (in Russ.)
- Viktorova E. Yu.** Discursive words: unity in diversity. *Izvestia Saratovskogo Universiteta Novaya Seria Filologia I zhurnalistika*, 2014, vol. 1, iss. 14, pp. 10–15. (in Russ.)

- Debrenne M.** The image of Russia in francophone comics. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta; Seria Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsia*, 2021, vol. 19, iss. 19, pp. 167–180. (in Russ.)
- Debrenne M.** Reflection of the situation of multilingual communication on the example of Hergé's adventures of Tintin. In: *Mir komiksov. Vyp. 8: Zhenskie komiksy, manhua, narrativ. Fabrika komiksov Kabinetnyj uchenyj*. Moscow; Ekaterinburg, 2024, pp. 321–340. (in Russ.)
- Debrenne M.** Russia in francophone graphic novels. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publishing house, 2023, 196 p. (in Russ.)
- Zhelvis, V. I.** Roughness: the problem of lexical classification. In: *Frazeologizm i slovo v natsionalno-kulturnom diskurse (lingvisticheskij i lingvo-metodicheskij aspekt) : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashennaya yubileyu d.f.n., prof. A.M. Melerovich*. Moscow, Kostroma, 2008. (in Russ.)
- Larin L.** Old Khottabych. Moscow, Detizdat, 1940, 178 p. (in Russ.)
- Mokienko V. M., Nikitina T. G.,** The big Dictionary of Russian Jargon. Saint-Petersburg, Norint publ., 2000. (in Russ.)
- Mokienko V. M., Nikitina T. G.,** The Dictionary of Russian Jargon: mat, obscenity jargon. Saint-Petersburg, Norint publ., 2004. (in Russ.)
- Rabenco T. G.** Oath as a fideistic speech genre. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya Filologiya, iskusstvovedenie*, 2010, № 13 (194), vol. 43, pp. 122–126. (in Russ.)
- Agamben G.** Le sacrement du langage, archéologie du serment Vrin, «Bibliothèque des Textes Philosophiques – Poche», 2009, 120 p.
- Algoud A.** Le Haddock illustré : L'intégrale des jurons du capitaine Haddock. Casterman, 2004.
- Aslanoff S.** *Manuel typographique du russiste*. Institut des études slaves, 1986.
- Boutler C.** Похуй! Dictionnaire d'argot russe. Lulu, 2012.
- Cusin-Berche F.** Le serment : des mots pour le faire. In: *Les mots et leurs contextes*. Presses Sorbonne Nouvelle, 2003.
- Eddin H. N.** Sublimes paroles et idioties de Nasr Eddin Hodja, trad. J.-L. Maunoury, Phébus, coll. «Libretto», 1990.
- Khachinyan L.** Petit dictionnaire français – russe de l'argot français. E-published, 2023.
- Le Guevellou F.** *Dictionnaire des gros mots russes*. Paris, L'Harmattan, 2002, 97 p.
- Loi n°49-956 sur les publications destinées à la jeunesse. Journal officiel de la République française : Lois et décrets, n°169, 18-19 juillet 1949.
- Richard H.** Pouchkine victime de Poutine. *Le Monde diplomatique*, 2023, № 2, p. 20.
- Sajer G.** Le Soldat oublié. Robert Laffont, Paris, 1967.

Информация об авторе

Дебрэнн Мишель, доктор филологических наук, доцент Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Michèle Debrenne, Doctor of Philology, Associate Professor, Novosibirsk State University, Institute for Humanities

*Статья поступила в редакцию 30.04.2024;
одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 19.07.2024*

*The article was submitted 30.04.2024;
approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 19.07.2024*